

Глядя на старика, который, спотыкаясь, тащил корзину с дикими кореньями — пищей, которую человек двадцать первого века и в рот бы не взял, — Ван Ханьлинь испытал целую гамму чувств.

Убедившись, что поблизости никого нет, он сложил все свои пожитки в пространственное хранилище. Пригодится, когда навестит родных в деревне. Мысль о поездке домой вызывала легкое беспокойство: хотя память и сохранила события прошлого, он не совсем понимал, как теперь выстраивать отношения с семьей. Впрочем, прошел уже год, так что некоторая отчужденность при встрече была вполне естественна.

Ван Ханьлинь вспомнил свою прежнюю жизнь. Дом в сыхэюане достался ему от дяди. Тот был одинок, и чтобы после смерти его похоронили в семейном склепе, дед Ханьлиня решил отдать младшего внука дяде на усыновление. К несчастью, не прошло и полугода, как дядя погиб, пытаясь спасти склад завода Красная звезда во время пожара. Так рабочее место дяди естественным образом перешло к Ханьлиню.

После праздника Весны нужно было выходить на работу. Частно-государственного партнерства еще не ввели. Несколько дней назад Ханьлинь потратил сто юаней из пособия по смерти дяди, чтобы перевестись в отдел закупок. Туда никто не хотел идти: в пятьдесят втором году продовольствия хватало, и рынок был достаточно обеспечен товарами. Но после пятьдесят пятого, когда введут совместное управление и на всё потребуются карточки, отдел закупок станет местом престижным и хлебным. А главное — там была свобода!

Эх, хватит думать. Чему быть, того не миновать!

Северный ветер декабря гнал снежную крупу, превращая сухую траву на берегу реки в серебристые волны. Ван Ханьлинь, дыша на руки, присел у воды. Глядя на бурлящий серо-зеленый поток, он вспомнил старую газету, увиденную три дня назад в пункте приема вторсырья: Зимний паводок на реке Юндин, замечены редкие косяки сомов.

Когда ледяная вода залилась в резиновые сапоги, штанины мгновенно превратились в жесткую корку. Ханьлинь, сжимая острогу, вошел в глубокое место и вдруг заметил темную тень под корнями тростника. В тот же миг, как стальной наконечник пронзил воду, темно-зеленая спина яростно дернулась, и хвост рыбы поднял фонтан брызг, которые тут же превратились в ледяную крошку на его лице.

— Вот это да! — он рванулся вперед, наступил на скользкий камень и рухнул в ледяную воду. Пытаясь удержаться за расщелину в скале, он нащупал что-то твердое и неровное. Отчистив обросший мхом камень, он увидел застрявшую в складках породы серебряную монету с пулевым отверстием. Поток воды отполировал лицевую сторону, и надпись Великая династия Цин тускло поблескивала в глубине.

Зубы Ханьлиня застучали — то ли от холода, то ли от страха.

— Да я же дурак! У меня ведь есть хранилище!

Он выбрался на берег, достал из хранилища заранее припасенный уголь и быстро развел огонь. По мере того как пламя разгоралось, ледяной холод постепенно отступал.

Согревшись, он решил продолжить дело. Ханьлинь опустил острогу в воду и с помощью воли почувствовал, что происходит в реке. Когда над рекой потянулись тяжелые грозовые тучи, семь серебряных монет в сумке глухо звякнули друг о друга — на одной из них все еще виднелся прилипший кусочек кости размером с ноготь. Порыв ветра со снегом залетел за шиворот, и ему почудилось, что из-под толщи льда доносится звон мулячьих колокольчиков.

— Последняя. — Острога, воткнутая в расщелину, вдруг выскользнула из рук. Он во все глаза смотрел, как она тонет в речном водовороте, а в черной воде внезапно вспыхнуло серебряное сияние — сотни, тысячи монет блестели в разломе речного дна, словно лежащий дракон.

Когда снежная крупа сменилась хлопьями, сумка уже трещала по швам.

К тому времени, как сумерки залили реку чернилами, Ханьлинь сидел у костра. Двадцать одна монета была выложена на снегу в форме созвездия Большой Медведицы, а в пулевом отверстии самой крупной до сих пор торчала деформированная свинцовая пуля. Он дрожащими руками достал полбутылки эрготоу, и в тот момент, когда капли спиртного, попав в огонь, вспыхнули синим пламенем, в тростниковых зарослях раздались редкие выстрелы.

— Совесть надо иметь! — Он резко опрокинул бутылку и схватил горящую головню, принявшись чертить на снегу. Уголь оставил подпалины на словах Военное жалованье. Вдали послышался хруст, словно трескался лед — будто что-то на дне реки начало пробуждаться.

Вот так сюрприз, неожиданно-негаданно!

Дело еще не закончено, а вид серебра уже сбивает с толку.

Ханьлинь взял острогу, чувствуя рыбу и воду, и, идя вдоль берега, начал перекачивать речную воду в низину внутри своего хранилища. Вместе с водой туда устремились мелкие и крупные рыбешки, а также водоросли. Впадина превратилась в небольшой пруд. Правда, глубоковат вышел — целых десять метров! Ханьлинь придал низине форму цилиндрического колодца. Ну и мастер же он!

Теперь не страшно, что не будет воды или рыбы.

Этого хватит. Да и монет прибавилось. Пора домой.

Сияя от радости, он вприпрыжку зашагал к сыхэюаню, напевая себе под нос: — Два-восемь-два-пять-шесть, два-восемь-два-пять-семь, два-восемь-два-девять-тридцать-один...

Радость оказалась недолгой. Сзади показался ГАЗ-67, за рулем которого сидела женщина-

военный. Она показалась ему такой знакомой. Это ведь та самая... Ханьлинь в растерянности застыл посреди дороги. Машина остановилась, женщина вышла, положив руку на кобуру пистолета, и спросила:

— Товарищ, что с вами? Вы в порядке?

— Все хорошо, просто задумался, теперь лучше. Товарищ, вы Ван Цянь?

— Здравствуйте, товарищ. Нет, меня зовут Тянь Дань.

В голове Ханьлиня возникла пустота. Как здесь оказались персонажи из Нового мира? Неужели это объединенный мир?

— Простите, товарищ Тянь Дань, я ошибся человеком, прошу прощения.

— Ничего страшного. Как вас зовут?

— Товарищ Тянь, меня зовут Ван Ханьлинь, живу в переулке Наньлогу, дом 95. После праздников выхожу на работу в отдел закупок завода Красная звезда. Мне восемнадцать. Я порядочный человек, правда, не специально дорогу перегородил, извините, пожалуйста!

— Все нормально. Что вы тут делали в такую темень?

— Ходил на реку, проверял, есть ли рыба. У меня к этому талант, вот, посмотрите, поймал несколько карпов.

— И правда крупные, ловко у вас получается, младший брат, — улыбнулась Тянь Дань.

— Да ладно, я из деревни, других талантов нет, только рыбу ловить да охотиться, — Ханьлинь покраснел и почесал затылок.

— Раз так, я вас подброшу, до города ведь недалеко.

— Можно я буду звать вас сестрица Дань?

— Можно, братишка Ханьлинь, садись.

Ханьлинь с видом знатока забрался в машину, успев незаметно подкинуть в мешок еще трех карпов.

— Братишка Ханьлинь, техника ловли у тебя впечатляющая. Только не ходи больше к реке на

окраине, там сейчас много вражеских агентов, опасно.

— Не бойтесь, сестрица Дань. Видите, какой я худой? Я боевыми искусствами занимаюсь, да и плаваю хорошо.

— Ах ты, малец, — рассмеялась Тянь Дань. — Сначала заскочим ко мне в часть, а потом я тебя подвезу до дома.

Осторожная, должно быть, думает, не шпион ли я? — подумал Ханьлинь, едва заметно усмехнувшись.

<http://bllate.org/book/18479/1773173>